

«Юность»: Как Вы настраиваетесь на свою модель? Кто Ваш идеал?

Никас Сафронов: Если это не заказная история, а тот случай, когда я сам выбираю модель, тут сыграть может любой нюанс. Иногда я угадываю «своих» по резусу крови. Говорю: «У вас резус отрицательный». И действительно! «Откуда вы знаете?» Просто чувствую. Так я почувствовал когда-то Софи Лорен,

Джека Николсона, Роберта де Ниро, людей, с которыми контакт произошел моментально. Между нами сразу не было никаких преград, никаких барьеров, мы сразу расположились друг к другу, как будто всегда были близкими друзьями. Но... возвращаясь к прерванной теме: я наблюдал, как знакомые мне люди, становясь богаче, в процессе что-то теряли. Что-то, возможно, и находили, что в результате позволяло им зарабатывать

деньги, но в душе возникли некие пустоты, важные для счастливой жизни.

«Юность»: Деньги портят?

Никас Сафронов: И очень часто. С появлением их люди закрываются, уже не могут запросто общаться, боятся лишних вопросов, лишних просьб. Особенно если деньги достались им сложными путями. А некоторые вообще становятся «скупыми рыцарями» и способны радоваться только «золоту», не общаясь почти ни с кем, кроме очень-очень узкого круга.

«Юность»: А какие картины заказывают богатые? Золото, деньги?

Никас Сафронов: Не только деньги. Часто заказывают пейзажи, просят, чтобы на них были изображены лесистые горы или тихое и спокойное море. Чтобы все было по фэншуй. Многим нравится, чтобы по тихой воде шел корабль, а вместо парусов могут быть доллары или евро... Объясняя, что это вроде как к деньгам.

Такие вот работы, что вызывают спокойствие и наводят на размышления, заказывают и покупают. Как говорится, символизм на то и символизм. Я тоже хочу, чтобы все люди получали то, что их порадует. А большую часть денег от такой работы стараюсь тратить только на добрые дела. Да и картины даю на благие дела. Вот только вчера, нет, позавчера, к примеру, был аукцион, продали мою работу... Небольшая картина, из ранних моих работ, собрала, правда, только четыреста тысяч. Я, к сожалению, ушел пораньше, журналисты написали со слов участников аукциона, что из моих рук картина проданась бы и за полтора миллиона и больше. Жаль, что я еще и виноват остался. Моя помощница возмутилась, говорила: «Вместо того чтобы сказать: “Спасибо, Никас, все деньги пошли на благотворительность”, пишут: «Если бы Никас не покинул рано мероприятие...» Ну и конечно, хочется верить, что полученные деньги пошли... на благо.

Никас Сафронов. Сон о воде на фоне замка, или Вода и Камень имеют память. Холст, масло. 2006

«Юность»: Вернемся к книгам. Может быть, нас послушают издатели, идея проиллюстрировать словарь Даля довольно перспективная. Практически сейчас к Далию уже никто не обращается. Вы могли бы проиллюстрировать?

Никас Сафронов: Да, хотел бы, хотя работа и огромная. А еще я давно хочу сделать детскую «Азбуку», как у Бенуа. Есть еще одно интересное предложение — выпустить не просто книжку, а, скорее, обучающую игрушку, чтобы ребенок выбирал картинки, буквы, смотрел, что чему соответствует. Современные возможности иллюстрации позволяют сделать ее очень интересно, получаются не задания, а творческая игра. Это как детская мечта повлиять на сказку, которую читаешь. А сегодня технологии позволяют это сделать, я видел несколько лет назад подобным образом устроенную книгу «Алиса в Стране чудес». Нынешние дети развиваются быстро, им нужны новые возможности. Но я бы и сам от такой книжки не отказался!

Я за то, чтобы книжки сохранились, возможно, чтобы они стали и более современными. Ведь есть сегодня современный театр, он не исчез как жанр, хотя и предсказывали в начале XX века, что его полностью заменит кино, он просто изменился, стал немного другим. И у человека сегодня появилось больше возможностей — и кино, и театр. Так же и книги изменят содержание, форму, но они, я уверен, останутся. Как остаются картины, несмотря на то, что репродукции и доступнее, и дешевле, и можно их увидеть в Интернете, и идти никуда не нужно. Но люди продолжают ходить в музеи, просто у них теперь есть возможность увидеть картину не только «живьем». Как никакой телепроповедник не заменит поход в церковь, так никакие фотографии не заменят живого общения с живописью. Пусть искусство иногда не так совершенно, как современные технические вещи, но оно говорит с человеком о самом главном. Я как-то читал рассказ о человеке, который хотел свести счеты с жизнью, уже и веревку, что называется, намылил, но вдруг услышал, как соседский мальчишка стал играть на скрипке, это было что-то классическое. И так старание мальчика тронуло, и музыка показалась какой-то особо прекрасной, и мир показался небезнадежным. И он подумал: «Бог с ней, с этой моей трагедией. Есть еще для чего жить». Часто искусство учит нас философски относиться и к жизни, и к смерти. И вообще ко всему относиться бережнее — к людям, к природе, к своей истории.

«Юность»: А искусство утилитарно?

Никас Сафронов: Иногда оно связано с простыми и прагматичными вещами просто потому, что мир таков и доброе дело тоже иногда требует денег. И я соглашаюсь на «утилитарные» проекты. Вот, например, салфетки с моими картинами, они продавались, а деньги, полагаю-

щиеся мне, пошли ростовскому Грековскому училищу, которое я когда-то окончил. И эти деньги помогли купить студентам учебники и все необходимое для рисования и живописи, гипс, модели и многое-многое нужное. Можно сказать: салфетки — это вовсе не искусство, ну а можно воспользоваться возможностью сделать благодаря этому добро. Тиражирование знаменитых полотен на сувенирах часто спасает музеи, дает им средства на реставрацию, на организацию выставок в других городах, странах. В сегодняшнем мире все взаимосвязано.

«Юность»: Никас Степанович, расскажите, как вы стали художником. Ведь у вас еще было увлечение, вы же заканчивали мореходку.

Никас Сафронов: Как я стал художником? Это, наверное, Божий промысел, и моя судьба не могла сложиться иначе. В детстве я и не мечтал о живописи, но происходили со мной случаи, когда я думал: «А для чего я живу? Кто сохранил мне жизнь в детстве и для чего?» В Ульяновске есть речка Свияга, приток Волги. Когда мне было года три и я совсем не умел плавать, я играл там, на пляже, зашел в воду, и меня закрутило течением. Страшно стало, я вдруг понял, что тону, но не хочу умирать. Я стал изо всех сил барахтаться и в результате выплыл. И после этого случая научился плавать и надолго потом сохранил ощущение: «Я живу, я должен жить не просто так, я должен что-то сделать, и, наверное, сделать лучше всех, раз уж остался жив».

Я помню также, как в первом классе нас повели на экскурсию в художественный музей, я увидел там картину одного голландца XVI века, очень тщательное полотно, где была изображена зима, оно мне очень понравилось, но я тогда еще подумал: «Если бы я был художником, я бы рисовал так же хорошо, а может, и лучше». Потом я, разумеется, это забыл и вспомнил только через много лет, когда увидел эту картину во сне. Поехал в Ульяновск, не смог ее найти, но по памяти написал по ее мотивам свою, совместил в ней и музейное здание, и тех голландских персонажей. Это был и мой сон, и мои детские воспоминания: зима, лед, коньки, санки, голландские костюмы и наш ульяновский художественный музей.

Когда-то, когда я уже преподавал, ко мне подошел студент и сказал: «Профессор, когда я стану большим художником, я хочу быть похожим на вас». Это приятно, конечно, но я в его возрасте мечтал быть похожим на Леонардо да Винчи. Только ставя самые высокие цели, можно чего-то добиться. Леонардо да Винчи — это уже не только человек, не только личность, это символ, это вершина в искусстве.

Окончание следует.